

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПРОЗА В.А. ЖУКОВСКОГО (из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной)

Публикация и научный комментарий И. А. Айзиковой

Вниманию читателей предлагаются архивные материалы тетрадей, составленных В.А. Жуковским для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной, - девять прозаических басен, относящихся к 1817-1819 гг. Басни никогда не публиковались, в связи с чем задачей публикатора является, по возможности, дать полное представление текстов Жуковского, уточнение их датировки, а также введение их в контекст творческой биографии писателя и в логику его эстетической позиции

1810-е гг., на которые приходится эстетическое самоопределение Жуковского и всей русской литературы, утверждение в ней романтизма с его философией двоемирия, а с другой стороны - универсализма, ощущение окончательной исчерпанности сентименталистской эстетики, которая еще в юнцы 1800-х гг. многое определяла, особенно в прозе, сыграли важную роль в становлении Жуковского-прозаика. В эти годы у него, отдавшего дань и эстетической бессюжетной прозе, и беллетристике в духе карамзинских традиций, зрела убежденность в необходимости поиска новых путей развития русской прозы, которое все теснее связывалось с актуализацией ее философичности, что во многом подкрепило всплеском интереса Жуковского во второй половине 1810-х гг. к немецкой романтической философии и эстетике [1.4.2. С. 140-225].

Полос внимания Жуковского плавно переместился за эти годы в сторону лиро-эпоса. Его любимыми жанрами в поэзии становятся идиллия, поэма, заступившие место элегии, послания, песни. Весьма показательно в связи с этим, что в прозе Жуковский все чаще обращается к исходным формам философствования, к дидактико-аллегорическим, наивным, простодушным фольклорным жанрам притчи, анекдота, басни, сказки, что отражало его стремление к построению нравственно-философских концепций, к решению вечных, общечеловеческих проблем. Это совпадало и с давним стремлением писателя к «простоте и краткости» в прозе, и с его педагогической деятельностью, предполагающей проговаривание истин, наконец, с его глубинной устремленностью к эпической безликой вечной мудрости. Работа Жуковского в этих жанрах не предполагала пока еще индивидуальных поисков истины, чем будет отличаться проза Жуковского 1830-1840-х гг. Но смысловой масштаб его прозаических опытов 1810-х гг. она укрупняла.

Печать обозначенных поисков лежит, прежде всего, на прозе, созданной Жуковским специально для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной. В архиве писателя сохранилось несколько тетрадей с произведениями, предназначавшимися его ученице для чтения и перевода с русского языка на немецкий. Все эти материалы можно датировать концом 1817-1819 гг. [2. С. 54]. За исключением «Библейских повестей» [2. С. 274-281], они не опубликованы и до сих пор не учитывались как факт творческой биографии Жуковского. Среди них - 9 басен в прозе: «Соловей в клетке», «Бесплодное дерево», «Насекомое и ворона», «Бык и собака», «Терновник и фиговое дерево», «Черепаша и утки», «Рысь и крот», «Орел и черепаха» и «Лягушка и угорь» [3]. Дидактические цели этих произведений не только не умаляют, но помогают прояснить их эстетическое значение.

Обращение Жуковского - учителя Великой Княгини - к жанру прозаической басни весьма показательно и эстетически значимо. Еще в статье «О басне и баснях Крылова» писатель связал суть этого жанра с наибольшей эффективностью «предложения моральной истины» читателю (о теории басни Жуковского см. [4, 5]). «Цель сего рассказа (имеется в виду басня. - И. А.) - впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой из общежития» [6. С. 181]. Не менее любопытны и рассуждения Жуковского об исто-

рии бытования прозаической басни. Опираясь на «Рассуждение о сущности басни» Г.Э. Лессинга, на что указывает Н.Б. Реморова [1. Ч. 3. С. 369-434], писатель генетически связывает этот жанр с философией: «Вероятно, что прежде она (басня. - И. А.) была собственностью не стихотворца, а оратора и философа. И оратор, и философ, рассуждая о предметах политики и нравственности, употребляли для большей ясности сравнения и примеры, заимствованные из общежития или природы. От простого примера, в котором представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой с предметом заимствованным, легко могли перейти к басне, в которой предлагаемая истина выводима из действия вымышленного, но имеющего отношение к действию настоящему и, так сказать, заступающего его место» [6. С. 183].

Рассматривая басню прозаическую и стихотворную, Жуковский видит их отличие не столько в стихотворной форме как таковой («Федр писал в стихах; но его стихи отличны от простой прозы одним только размером», — замечает автор статьи [6. С. 184]), сколько в большем весе в прозаической басне «примера», описываемого в ней «случая», доказывающего «моральный урок», а следовательно, в ограниченности иносказания, вернее, в сгущении его емкости, его философичности. «Мораль» как бы уходит в повествование. Складываясь по ходу создания текста как отражение мыслительного процесса автора, она выводится самим читателем в момент восприятия текста. Потому совершенство прозаической басни Жуковский связывает с кратким, ясным слогом, отсутствием «всякой излишности в рассказе».

Если в конце 1800-х гг. Жуковский отдает явное предпочтение стихотворной басне, то в конце 1810-х гг. он, начав занятия с Великой Княгиней Александрой Федоровной и считая «необходимым преподать члену царской семьи <...> некоторые принципы, руководствоваться которыми должны люди, причастные к управлению государством» [1. Ч. 3. С. 417], обращается к переводам басен прозаических. Часть из них принадлежит перу Лессинга и переведена Жуковским гекзаметром. Сегодня эти басни введены в научный оборот. Они были обнаружены в архиве писателя и опубликованы М.Л. Гофманом [7], позднее исследованы Н.Б. Реморовой [1. Ч. 3. С. 409-423]. Неучтенным остался не менее любопытный корпус перечисленных выше басен, переведенных прозою.

Здесь примечателен целый ряд моментов. Прежде всего, заслуживает внимания сам факт параллельной работы Жуковского над переводом прозаической басни гекзаметром и прозой. С.А. Матяш одной из первых указала на то, что «в переводных произведениях Жуковского гекзаметр был аналогом не только иноязычного гекзаметра <...>, но и <...> прозы» [8. С. 82-83]. Факт этот весьма важен, он характеризует первые опыты писателя в сообщении повествованию размеренного эпического движения, близкого к свободной разговорной речи. Жуковский, как видим, сознательно работает над стилем, соединяющим поэзию и прозу, отражая, как справедливо пишет исследователь, «общие тенденции прозаизации русской литературы» [8. С. 95].

Интересна проблематика и идейное содержание басен, переведенных Жуковским в прозе. Басня «Соловей в клетке», записанная в тетради первой, поднимает проблему, которая

всегда была самой важной для Жуковского. Это проблема свободы как естественного свойства человеческой природы, как единственное условие его нормального существования и жизнедеятельности, как критерий общественного устройства. Тема свободы находит свое органическое развитие в следующей басне - «Бесплодное дерево», где за незамысловатой историей прочитывается глубочайшая мысль о свободном нравственном выборе, которым наделен человек, и о той ответственности, которую он несет за выбранный им путь в жизни. Все это - просветительские идеи, на которых уже в 1800-е гг. строилась Жуковским и концепция личности, и теория взаимоотношений человека с миром.

Басня «Насекомое и ворона» продолжает темы и идеи «Бесплодного дерева». Она несет вполне определенную дидактическую идею просветительского звучания и заканчивается «моралью»: «Теперь я понимаю истину изречения: лишь тот живет долго, кто доволен жизнью». Тема ответственного отношения к собственной жизни, выполнения предначинанной миссии проводится и в басне «Терновник и фиговое дерево».

Проблема соответствия возможностей и той роли, которую человек реально играет в обществе, тема ре-ализации личности, напрямую связанная с идеей самооценки, самоанализа, звучит в баснях «Бык и собака», «Черепаша и утки», «Орел и черепаха», «Лягушка и угорь».

Переведенные Жуковским прозаические басни по своей идейно-художественной структуре очень близки к притче. Неслучайно Жуковский, как правило, избегает в своих баснях «общей морали». От имени всеведущего автора-наставника она звучит именно в форме поучения для всех и каждого только в одной басне - «Черепаша и утки»: «Учись одновременно искусству молчать, иначе будешь несчастлив. Болтливость уничтожает нередко лучшие наши надежды в жизни». В остальных баснях «моральный урок» является заключением речи героя («Бесплодное дерево», например, заканчивается словами садовника, «Насекомое и ворона» - словами вороны, «Терновник и фиговое дерево» - речью фигового дерева и т.д.), либо «морали» как таковой вовсе нет, басня заканчивается описанием события, которое и должно быть осмыслено читателем в морально-философском плане (для примера укажем на финалы басен «Соловей в клетке», «Бык и собака», «Рысь и крот»).

Философско-символическому толкованию в баснях подвергаются все элементы повествования - звенья сюжета, герои, образы. В силу этого отпадает необходимость «укращения» «морального урока». Жуковский стремится к простоте и краткости басни. Время и место действия дается с минимумом подробностей, но каждая деталь служит средством раскрытия смысла. Так, например, действие басни «Соловей в клетке» происходит в «великолепном жилище богатого и знатного человека», в которое зашел однажды один крестьянин, где и увидел золотую клетку с сидящим в ней соловьем, который пел свою печальную песню. «Великолепному жилищу», «золотой клетке» противопоставлены естественно свободное пространство полей и рощ, посреди которых «соловьи возвещают славу обновляющейся природе», наполняют «тихой радостью и удивлением» душу крестьянина, который с удовольствием возвращается из «великолепного жилища» «в сельскую свою хижину, к мирному своему полю».

Такая пространственная оппозиция имеет «сокровенный смысл», связанный с руссоистской концепцией естественного человека, от природы наделенного нравственным инстинктом и свободной нравственной волей. Примечательны и временные детали: действие этой и других басен происходит «однажды», в них участвуют «один крестьянин», «один поселянин», «одно насекомое», «один бык и одна собака», «одна черепаха», «одна лягушка». Событие, описанное в басне, конкретный «пример» выводится за рамки конкрет-

ного времени и пространства, приобретая общечеловеческий, непреходящий смысл.

Герои басен лишены индивидуальности, являясь воплощением общечеловеческих принципов жизни. При определенной степени их конкретности они несут в себе, переплетая, частное и общее, быт и бытие. Так, например, «один крестьянин» из басни «Соловей в клетке», слушающий пение «запертой птицы», стоит «с прискорбным сердцем», «опершись на свой посох», он молча сносит «насмешливые улыбки» слуг «знатного человека», их «громкий хохот» в ответ на его рассуждения и даже то, что они называют его глупцом и простодушным дураком. Садовник из «Бесплодного дерева» «засмеялся», услышав обвинения поселянина в том, что он дал ему «негодный бесплодный сук вместо плодovitого дерева». «Столетняя ворона» из басни «Насекомое и ворона», слыша рассуждение насекомого о смерти и жизни, «вздохнула». Терновник «насмешливо упрекает» фиговое дерево. О лягушке из басни «Лягушка и угорь», которая «весьма недавно начала учиться квакать» и «насмехалась над угрем за его молчаливость», сказано, что она «молода». Охота черепахи летать определена как «странная», а ее требования к орлу, «чтобы он дал ей уроки летания», - как «неотступность» («Орел и черепаха»). За всеми этими деталями не столько прямое название, сколько «пара-фраза», «загадывание смысла», его многочисленных оттенков.

Большая часть повествования в баснях представляет собой диалог героев, которых всегда оказывается не более двух. Только в двух баснях - «Бык и собака» и «Орел и черепаха» - диалог отсутствует. В них все строится на описании действий. Каждый из них выражает свою точку зрения, столкновением которых и движется действие. Эти диалоги всегда эпиграмматически сжаты, отдельные реплики афористичны. В ряде случаев голос одного из героев передан не прямой речью, полностью воспроизводится только слово того персонажа, в уста которого вложен «моральный урок».

В самых коротких баснях («Лягушка и угорь», «Терновник и фиговое дерево») повествование почти совсем лишено деталей, описания обстоятельств действия, да и действия как такового здесь нет: «терновник упрекает» - «фиговое дерево отвечает», «лягушка насмехается» - «угорь отвечает». Сюжет едва намечен. Эпитеты употреблены лишь для акцентации идеи («скромное молчание» - «громкое, скучное болтовство», «хвастливые цветы»). Введение нового персонажа, необходимое героям для аргументации своей позиции, предельно редуцировано: фиговое дерево ссылается на «всякого», который, по его словам, готов подтвердить сладость его плодов, а значит, и его правоту. Угорь упрекает жабу, чей голос достаточно послушать «только раз», чтобы убедиться в моральном уроке, который он преподносит «молодой лягушке». Рассказчик явно склонен к сопоставлению, он наделен умением отделить главное от второстепенного и за частным увидеть общее. Все это придает басням Жуковского высокий уровень обобщения, принципиально важный в плане дальнейшей эволюции его прозы, в чем может убедиться читатель, прочитав опубликованные ниже басни поэта.

В.А. Жуковский

СОЛОВЕЙ В КЛЕТКЕ

Один крестьянин зашел однажды в великолепное жилище богатого и знатного человека. Тут услышал он громкое пение птицы, сидевшей в золотой клетке. Он подошел к ней и что же? То был соловей. С прискорбным сердцем стоял он, опершись на свой посох, и слушал.

К нему подошли слуги знатного человека и спросили: «Чему ты удивляешься? Отчего стоишь так за-

думчиво?» Крестьянин отвечал: «Я удивляюсь тому, что вы и ваш господин можете сносить в своем блестящем жилище печальное пение запертой птицы». «Глупец, - воскликнул один из служащих, - разве пение соловья кажется тебе печальным на твоих полях и в твоих рощах?» «Нимало, - отвечал земледелец. - Напротив, оно наполняет мне душу тихой радостью и удивлением». «Но разве твои соловьи поют иначе, нежели этот?» - спросил слуга с насмешливой улыбкой. «Конечно, - сказал крестьянин, - наши соловьи возвещают посреди зеленых цветущих ветвей славу обновляющейся природе. Они поют под голубым, открытым небом, полным свободы, они поют гимны любви для самок своих, сидящих над птенцами». При этом слуги подняли громкий хохот и назвали простодушного дураком, но он промолчал и возвратился домой в сельскую свою хижину, к мирному своему полю.

БЕСПЛОДНОЕ ДЕРЕВО

У одного поселянина был в городе брат, садовник, который имел превосходный плодовый сад, наполненный такими прекрасными деревьями, что все славил его искусство и его вкусные плоды.

Поселянин пришел к нему в город и удивился деревьям, которые стояли прекрасными рядами, выросли скоро и были прямы и гладки, как высокие свечи. Тогда садовник сказал ему: «Можешь брать, я дам тебе дерево лучшее из всего моего сада, и ты будешь радоваться, и ты и твои дети».

Сказав это, садовник позвал своих работников и показал им дерево, которое надо было вырыть. Поселянин весьма был рад подарку и велел перенести дерево на свое поле.

На другое утро он долго не мог согласить сам с собою, где посадить дерево. Ибо он думал: «Если посажу его там на высоте, то будет дуть на него ветер и собьет прекрасные плоды прежде, нежели они созреют. Ежели посажу его здесь, недалеко от дороги, то будут видеть его проходимцы, вкусные яблоки прельстят их, и они меня обкрадут. Если же, наконец, посажу его слишком близко к дверям моего дома, то оно не будет защищено от собственных детей и домашних моих».

Так он думал; наконец посадил дерево за амбаром, на севере, и сказал сам себе: «Здесь пронырливые хищники не вздумают искать его». И он радовался втайне своему благоразумию.

Но что же? Дерево не принесло плода в первый год, не принесло его и во второй. Тогда призвал он к себе своего брата-садовника, начал пенять ему и сказал: «Ты меня обманул, ты дал мне негодный бесплодный сук вместо плодового дерева. Погляди сюда, уже третий год, а оно приносит мне одни только листья».

Садовник засмеялся, увидя дерево, и отвечал: «Я не удивляюсь. Ты посадил дерево в таком месте, где на него дует один только холодный ветер; где оно не имеет ни тепла, ни света. Как же может оно цвести и приносить плоды. Его природа благородна и вечно такою останется. Ты посадил его с подозрительной, недоброй мыслью. Какого же благородного и усладительного плода ожидать можно».

НАСЕКОМОЕ И ВОРОНА

Близь реки Гипаниса водятся насекомые, которых вся жизнь продолжается не более одного дня. Одно из таких насекомых, которое уже около двенадцати часов имело от роду и, следовательно, было стариком между своими товарищами, сказало однажды: «О, смерть, которую я столь нетерпеливо желаю, так для чего медлишь так долго? Я ело, пило, любило и уже много имело детей. Чего же остается мне желать и ожидать? Когда я родилось, этот блестящий шар начинал только восходить; уже склоняется он к закату; и что будет со мною, если переживу его? Итак, лучше теперь кончить долгую и счастливую жизнь мою».

Неподалеку от насекомого сидела столетняя ворона. Она услышала это желание, вздохнула и сказала: «Вчера только жаловалась я на то, что мои силы уже уменьшаются; а это творение, которое я превосхожу во столько тысяч раз долгою жизнью, считает себя и старым, и счастливым? Теперь я понимаю истину изречения: лишь тот живет долго, кто доволен жизнью».

БЫК И СОБАКА

Один бык и одна собака были сердиты друг на друга, и это дошло до того, что первый вызвал последнего на поединок. Бык принял вызов с презрительным видом и надеялся, что творение, столь уступающее ему в силах, с первого раза можно проколоть своими рогами и растоптать своими копытами.

Но в этот раз хитрая собака, в то время, как бык наклонил к земле свою голову, увернулась от его удара и схватила сильно за (1 слово нрзб. - И.А.) ухо. Напрасно бык тряс головой, напрасно мычал и бил в землю копытом. Наконец, проникнутый нестерпимой болью, он был должен с покорностью и своим разорванным ухом просить мира.

ТЕРНОВНИК И ФИГОВОЕ ДЕРЕВО

Терновник насмешливо упрекал фиговое дерево в том, что на нем никогда не бывает цветов.

«Тем более мне чести, - отвечало последнее, - что я даю более, чем обещаю; ибо всякий скажет что плоды мои сладки, как мед. Ты же, напротив, со своими хвастливыми цветами произвел когда-нибудь что-нибудь другое, кроме посредственности. Чем более наружность твоя обещает, тем более должен ты и совершить».

ЧЕРЕПАХА И УТКИ

Черепаша сидела на берегу и увидела стаю диких уток, которые летели с моря. «Как вы счастливы, - воскликнула она, - вы можете посещать чужие земли, а я, между тем, вечно должна оставаться там, куда раз попала». Это услышали утки и сказали: «Если ты имеешь такую охоту видеть другие земли, то мы готовы сделать тебе удовольствие и понести с собою. Возьми только эту тонкую длинную палочку в рот, мы можем на ней понести тебя».

Черепаша принесла величайшую благодарность за это предложение. Каждая утка взялась за один конец палочки, и они пустились в путь.

Когда они летели над одним местечком, то многие из жителей разинули рты от удивления и утверждали, что они подобного в жизни своей не видывали и приняли ее все за одно чудное животное. «Как бы не так, - воскликнула радостно черепаха. - Это не иное что...». - Но начавши говорить, выпустила она изо рта палочку, упала вниз и была как жертва своего любопытства, а еще более своей болтливости наказана.

Учись заблаговременно великому искусству молчать, иначе будешь несчастлив. Болтливость уничтожает нередко лучшие наши надежды в жизни.

РЫСЬ И КРОТ

Зоркая рысь жалела однажды о слепом (мнимо слепом) кроте и сказала: «Едва могу понять, как ты можешь сносить так смиренно свое несчастье. Жизнь без зрения кажется мне тяжелее самой смерти». «Благодарю тебя за твое сожаление, - отвечал крот, - но может быть, в самом деле, не так жалко, ибо что природа отняла у меня с одной стороны, то заменила она очень милостливо с другой. Так, например, я слышу очень хорошо, и это предохраняет меня от всякого близкого неприятеля. Даже теперь - могу ошибаться, - но мне кажется, что я слышу шаги человека, который крадется. Прошу тебя, храбрая рысь, поберегись». Рысь хотела уже посмеяться над кротом, но вдруг зашвырнул (1 слово нрзб. - *И.А.*) охотник, и гордившееся

зрением своим животное погибло. Именно потому, что пренебрегло советом слепого крота.

ОРЕЛ И ЧЕРЕПАХА

Одной черепахе пришла в голову странная охота летать. Она часто просила орла, чтобы он дал ей уроки летания, но орел всякий раз старался растолковать ей, что такое желание совершенно противно рассудку и ее природе. Однако чем более затруднений он делал, тем упрямее настаивала она на своем требовании.

Наконец наскучив от ее неотступности, взял он ее с собою на высоту и бросил ее, поднявшись на высоту одной башни. Следствие было таково, как и предсказывалось, ибо в падении разбилась она об землю.

ЛЯГУШКА И УГОРЬ

Одна молодая лягушка, которая весьма недавно начала учиться квакать, насмехалась над угрем за его молчаливость.

«Ты бы, конечно, имела право, - отвечал угорь, - если не смеяться надо мною, то по крайней мере сожалеть обо мне, когда бы именно каждый голос, как бы он ни звучал, был чем-нибудь завидным. Но надобно только раз послушать жабу, чтобы почувствовать, что скромное молчание часто лучше, нежели громкое, скучное болтовство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека В.А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск, 1978-1988.
2. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск, 2001.
3. РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 93 Л. 3. Об. 8.
4. Стенник Ю.В. О специфике жанровой природы басни // Русская литература. 1980. № 4. С. 108-113.
5. Разумова Н.Е. В.А. Жуковский - читатель «Элементов литературы» Мармонтеля / Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1984. С. 35-74.
5. Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985.
6. Гофман М.Л. Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926. С. 150-153.
7. Матяш С.А. Жуковский и русская стиховая культура XVIII - первой половины XIX в. // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 80-95.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 15 января 2003 г.